

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

ЧАСТЬ 1

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВ

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 1

<https://litres.ru/74426937>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даниил Ветров приходит в полицию за три часа и двадцать две минуты до собственного убийства. Он утверждает, что умрёт ровно в 5:10, а в течение следующей минуты семь человек признаются в его смерти. Каждый назовёт подробности, которые не может знать посторонний, и каждый будет уверен, что говорит правду.

Следователь Яна Левина не верит в предсказания. Но в назначенное время Ветров погибает, и его первое обещание исполняется.

Теперь Яне предстоит понять, как семь несовместимых признаний могут быть правдивыми и зачем жертва заранее превратила собственное убийство в загадку.

Первая часть мистического детектива «До пяти десяти».

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 1

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

Детективный роман

Часть первая. Семь правдивых лжей

Глава 1. Человек, пришедший заранее

Даниил Ветров пришёл в полицию за три часа и двадцать две минуты до собственного убийства.

Позднее Яна Левина будет вспоминать, что в ту ночь он не производил впечатления человека, которому угрожает смерть. Напуганные люди торопятся. Они путают слова, оглядываются на двери, сжимают телефон так, будто от силы сигнала зависит их жизнь. Ветров не делал ничего из этого.

Он просто стоял у стойки дежурного и ждал.

За высокими окнами дождь полировал пустую улицу. Свет фонарей лежал на асфальте длинными медными полосами, и редкие машины разрезали их колёсами. Было 1:48 ночи — время, когда даже преступники начинают сомневаться, действительно ли им так уж необходимо выходить из дома.

Дежурный лейтенант Марков поднял глаза от журнала и не сразу понял, что мужчина обращается именно к нему.

— Мне нужен старший следователь Левина.

— По какому вопросу?

— По поводу убийства.

Марков подавил вздох. Ночные посетители делились на две категории: те, с кем уже случилось несчастье, и те, кто только собирался его устроить. Мужчина перед ним не подходил ни к одной.

Ему было около сорока пяти. Серое пальто сидело безукоризненно, хотя правый рукав промок почти до локтя. Тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад. Ни зонта, ни сумки. На левой руке — механические часы со светлым циферблатом. Стрелки показывали пять десять.

— Где произошло убийство? — спросил Марков.

— Пока нигде.

Лейтенант отложил ручку.

— Тогда почему вы решили, что оно произойдёт?

— Потому что жертвой буду я.

— Вам угрожали?

— Да.

— Кто?

Мужчина посмотрел на часы, хотя они, очевидно, не шли.

— Если я назову имя, вы станете искать одного человека.

Это будет ошибкой.

— А сколько нам искать?

— Семерых.

Марков несколько секунд изучал его лицо. Алкоголем от посетителя не пахло. Зрачки нормальные. Голос ровный. Самый неудобный вид безумия — тот, который умеет завязы-

вать галстук.

— Документы.

Мужчина достал паспорт и положил на стойку.

Ветров Даниил Андреевич. Сорок семь лет. Фотография свежая. Адрес в другом конце города.

— Почему именно Левина?

— Семь лет назад она доказала, что человек признался в убийстве, которого не совершал.

Марков знал это дело. Его знали все, кто хоть раз работал с Яной Левиной. Студент пришёл в отдел с окровавленной рубашкой и подробно рассказал, как зарезал свою девушку. Он помнил цвет ножа, музыку в квартире и последнюю фразу жертвы. Левина потратила одиннадцать дней, чтобы доказать: признание было идеальным, а убийца — другой человек.

— Следователь Левина не принимает посетителей по личному выбору, — сказал Марков. — Изложите обстоятельства, и я решу, кого вызвать.

— В 5:10 я умру. В течение следующей минуты семь человек признаются в моём убийстве. Все назовут подробности, которых не может знать посторонний. Все семеро будут уверены, что говорят правду.

Марков посмотрел на неподвижные часы Ветрова.

— Если они будут уверены, тогда кто из них лжёт?

Впервые за разговор мужчина улыбнулся. Улыбка оказалась усталой и совершенно трезвой.

— Вот поэтому мне нужна Левина.

* * *

Яна спала в комнате отдыха на втором этаже, положив под голову свёрнутое пальто. В 1:57 телефон завибрировал у неё под щекой.

— Если здание не горит, — сказала она, не открывая глаз, — потуши и перезвони утром.

— Тут человек пришёл сообщить о собственном убийстве.

— Запиши телефон убийцы и отпусти обоих домой.

— Он спрашивает тебя. По имени.

Яна открыла глаза.

Марков коротко пересказал разговор. Сон отступил не сразу, а нехотя, как тёмная вода с камней. Она села, провела ладонью по лицу и посмотрела на электронные часы над дверью: 1:58.

— Он один?

— Да.

— Проверили металл?

— Чисто.

— Камеры у входа?

— Пришёл пешком со стороны набережной. За ним никого.

— Не выпускай.

— На каком основании?

— Пока предложи кофе. Наш кофе удерживал людей и

без решения суда.

Через четыре минуты Яна вошла в комнату для опросов номер шесть.

Она выбрала её не случайно. В шестой не было окна, зато стояли две камеры: одна под потолком, вторая была спрятана в датчике дыма. Единственная дверь открывалась наружу и попадала в обзор дежурного поста. Стол крепился к полу. Никакого зеркала, за которым можно вообразить слушателей, — серые стены, четыре стула и белый свет, превращавший любое лицо в вещественное доказательство.

Ветров сидел спиной к двери. Пальто висело на соседнем стуле. Правый рукав был мокрым, левое плечо — почти сухим.

Перед ним лежали паспорт и семь кремовых конвертов. На каждом стояла цифра, выведенная чёрными чернилами от руки.

От одного до семи.

— Старший следователь Левина, — представилась Яна.

— Я знаю.

— Это уже начинает мне не нравиться.

— Через три часа станет хуже.

Она села напротив и включила запись на планшете.

— Назовите полное имя.

— Даниил Андреевич Ветров.

— Чем вы занимаетесь?

— Исправляю чужие воспоминания.

Яна подняла глаза.

— Психотерапевт?

— Нет.

— Нейрохирург?

— Иногда людям достаточно правильно рассказанной истории. Хирургия им не требуется.

— Политтехнолог?

— Иногда.

— Шантажист?

— Чаще, чем хотелось бы.

Он отвечал без пауз, но не торопился. У него были тонкие пальцы пианиста и коротко подстриженные ногти. На подушечке большого пальца темнела точка, похожая на след от чернил. У основания шеи, чуть выше воротника, Яна заметила узкую полосу покрасневшей кожи.

— Кто хочет вас убить?

— Я принёс семь имён.

Он подвинул конверты к середине стола.

— В каждом имя, фотография и то, в чём этот человек признается после моей смерти. Конверты нельзя открывать заранее.

— Почему?

— Потому что тогда вы можете предотвратить признания.

— Это называется предотвратить убийство.

— Нет. Убийство уже произошло.

Яна не отвела взгляда.

— Вы сказали Маркову, что умрёте в пять десять.

— Верно.

— Сейчас два часа шесть минут. Следовательно, вы ещё живы.

— Вы путаете действие с последствием. Если человек нажал на спуск, а пуля летит три секунды, когда произошло убийство?

— Когда пуля попала в жертву.

— Так отвечает закон. Но не убийца.

Яна взяла верхний конверт. Бумага была плотной, дорогой. Клапан запечатан тёмно-зелёным воском без оттиска. На просвет ничего не видно.

— Вы сами их приготовили?

— Да.

— Когда?

— Три дня назад.

— Откуда вы знаете, что скажут эти люди?

— Я дал каждому достаточно причин считать себя моим убийцей.

— Зачем?

Ветров посмотрел на камеру под потолком.

— Чтобы один из них наконец испугался.

— Какой именно?

— Тот, кто не испытывает вины.

За дверью кто-то покати́л по коридору тележку. Колёса прошуршали по линолеуму и стихли. В паузе Яна слышала

тихое механическое тиканье.

Она посмотрела на часы Ветрова. Минутная стрелка всё так же стояла на двойке, часовая — чуть дальше пяти.

— Ваши часы идут?

— Нет.

— Почему вы их не сняли?

— Они напоминают, сколько у меня осталось времени.

— Неподвижные часы показывают только одно мгновение.

— Иногда одного достаточно.

Яна открыла дверь и позвала Маркова.

— Полный досмотр. В присутствии двух сотрудников. Всё упаковать отдельно. Вызывай врача и группу. Проверьте машину, квартиру, маршрут от дома до управления. Поднимите записи с камер от набережной до входа.

— Я пришёл без машины, — сказал Ветров.

— Это мы тоже проверим.

— И ещё, — добавил он. — Не звоните по моему домашнему адресу.

Яна остановилась у двери.

— Почему?

— Потому что женщина, которая там ответит, шестнадцать лет считает меня мёртвым.

* * *

К 2:35 личные вещи Ветрова лежали в прозрачных пакетах на металлическом столе дежурной части.

Паспорт. Бумажник с наличными и четырьмя банковскими картами. Связка из двух ключей. Нераспечатанный блистер магния. Серебряная перьевая ручка. Старый кнопочный диктофон без карты памяти. Часы, остановившиеся в 5:10. Телефон с разряженной батареей. Семь конвертов.

Ни оружия, ни лекарств, ни ёмкостей с неизвестной жидкостью.

Дежурный врач осмотрел Ветрова прямо в комнате. Давление — сто двадцать восемь на восемьдесят два. Пульс — семьдесят один. Кислород — девяносто девять. Зрачки реагируют. Следов инъекций на доступных участках кожи нет. На шее оказался свежий ожог длиной около двух сантиметров.

— Плойка, — объяснил Ветров.

Врач посмотрел на его короткие волосы.

— Часто укладываетесь?

— Только по особым случаям.

— Нужно ехать в больницу. Анализы, токсикология, кардиограмма под наблюдением.

— Я останусь здесь.

— Вы утверждаете, что отравлены.

— Я этого не говорил.

— Вы утверждаете, что через три часа умрёте.

— Уже через два с половиной.

Яна закрыла папку.

— Господин Ветров, у нас нет оснований удерживать вас,

но есть основания полагать, что вашей жизни угрожает опасность. Либо вы добровольно едете в больницу под охраной, либо остаётесь здесь и перестаёте разыгрывать спектакль. Третьего варианта не будет.

— Есть четвёртый.

— Какой?

— Арестуйте меня.

— За что?

— В октябре две тысячи девятнадцатого года я подделал показания свидетеля по делу о пожаре в отеле «Аструм». Из-за меня виновным признали человека, которого не было в здании.

В комнате стало тихо.

Врач медленно снял перчатки.

Яна помнила пожар в «Аструме». Двенадцать погибших. Виновным признали инженера противопожарной системы. Он повесился в следственном изоляторе, не дождавшись апелляции.

— Имя свидетеля, — сказала она.

— В первом конверте.

— Откройте.

— После пяти десяти.

— Вы только что признались в преступлении.

— Да.

— И думаете, что это обеспечит вам безопасность?

— Нет. Я думаю, это обеспечит вам право не выпускать

меня за дверь.

Яна встала. Теперь всё изменилось. Если признание подтвердится хотя бы частично, Ветров переставал быть странным посетителем и становился человеком, которого нельзя просто отправить домой.

— Госпитализация под охраной, — повторила она.

— В больнице есть окна, лифты, лекарства и люди в одинаковой одежде. Здесь — одна дверь и две камеры. Вы всё ещё хотите спасти меня или уже хотите доказать, что я ошибся?

Она подошла ближе.

— Я хочу понять, почему человек, так тщательно подготовивший собственную смерть, делает вид, что просит защиты.

Ветров чуть наклонил голову.

— Потому что я не подготовил смерть. Я подготовил свидетелей.

— Свидетелей чего?

— Того, что память опаснее ножа.

Яна выдержала его взгляд, затем повернулась к врачу.

— Возьмите кровь здесь. Полный экспресс-набор, какой сможете. Кардиомонитор оставьте. Если что-то изменится — сообщаете немедленно.

— Левина...

— Он остаётся под наблюдением. До утра. Потом поедет в больницу, хочет он того или нет.

Ветров улыбнулся.

— Утром я буду значительно стоворчивее.

* * *

В 3:40 городская система распознавания нашла Ветрова на семнадцати камерах.

Он вышел из дома в 00:31. Один. На перекрёстке сел в серый седан без опознавательных знаков. Машина высадила его в подземном переходе у набережной в 1:32. Оттуда он прошёл восемьсот метров до управления.

Номер седана принадлежал автомобилю, сгоревшему два года назад.

В 3:52 оперативники вошли в квартиру по адресу из паспорта.

Женщины там не оказалось.

На кухонном столе стояла одна чашка с ещё тёплым чаем. В спальне горела лампа. На стенах висели фотографии хозяйки с мужем и двумя детьми. Мужем был Даниил Ветров — только на снимках он выглядел моложе и носил другое имя.

На семейном портрете под стеклом кто-то чёрным маркером написал дату:

18 октября 2010 года.

День, когда, согласно государственному реестру, мужчина на фотографии погиб при крушении парома в Северном проливе.

Марков принёс распечатку в 4:08.

— Паспорт настоящий, — сказал он. — Выдан пять лет

назад. Биометрия совпадает. Отпечатки совпадают. И свидетельство о смерти настоящее. По крайней мере, оба документа прошли все проверки.

Яна посмотрела через стекло двери.

Ветров сидел за столом, подключённый к кардиомонитору. Зелёная линия ровно поднималась и опускалась. Он попросил лист бумаги и теперь что-то рисовал карандашом под наблюдением двух сотрудников.

— Что с женщиной?

— Телефон выключен. Соседи говорят, вечером была дома. Камеры у подъезда не видели, чтобы она выходила.

— Дети?

— Оба живут за границей. Дежурный пытается связаться.

— Седан?

— Ищем. На двух перекрёстках пропал, будто растворился.

— Машины не растворяются.

— Эта ещё и воскресла после пожара.

Яна перелистнула материалы. Под фотографией из реестра погибших стояло другое имя: Антон Сергеевич Миронов. Лицо то же. Родинка у виска та же. Даже шрам над правой бровью совпадал.

— Он назвался Ветровым, — сказал Марков. — Но если верить базе, Ветров существует только пять лет. До этого — пустота.

— А Миронов?

— Существует до две тысячи десятого. После — мёртв.
— Значит, у нас не пустота. У нас аккуратный шов.
За дверью Ветров поднял голову, словно услышал её.
И постучал карандашом по столу семь раз.

* * *

В 4:43 экспресс-анализ крови не показал распространённых ядов, алкоголя или наркотиков. Кардиограмма оставалась нормальной. Давление слегка повысилось, но врач объяснил это усталостью.

В 4:51 Яна вернулась в комнату.

На листе перед Ветровым был нарисован план небольшой квартиры: прихожая, кухня, спальня, ванная и прямоугольник без подписи между стенами.

— Что это?

— Место, где меня впервые убили.

— У вас своеобразное чувство юмора.

— У меня его почти не осталось.

Она села. Сотрудники заняли места у двери. Врач стоял в коридоре, глядя на переносной монитор.

— Мы нашли ваше свидетельство о смерти, господин Миронов.

Ветров не изменился в лице.

— Значит, вы знаете одно из моих имён.

— Сколько их было?

— Четыре.

— Настоящее?

— Настоящим становится то имя, на которое кто-то отвечает после полуночи.

— В вашей квартире была женщина. Сейчас она исчезла. Пальцы Ветрова замерли над рисунком.

— Лидия?

Это было первое имя, произнесённое им без заранее подготовленной интонации.

— Вы просили ей не звонить.

— Я просил не заставлять её снова хоронить меня.

— Где она?

— Если бы я знал, то не пришёл бы сюда.

— Вы сказали, что пришли из-за угрозы.

— Я сказал, что меня убьют. Угроза была адресована не мне.

— Кому?

Ветров посмотрел на часы над дверью. 4:56.

— Ей.

Яна почувствовала, как внутри поднимается холодная злость. Он всё время давал ровно столько правды, чтобы она не могла отвернуться, и ровно столько лжи, чтобы не могла действовать.

— Если Лидия в опасности, назовите людей из конвертов сейчас.

— Они не знают, где она.

— Тогда кто знает?

— Человек, который не признается.

— Вы говорили о семи признаниях.

— Да.

— И об одном лжеце.

— Я не говорил, что лжец будет среди семерых.

Яна замолчала.

Ветров подвинул к ней рисунок.

— Передайте ей, если найдёте.

— Что это за квартира?

— Та, в которой мы жили до моей смерти.

— Что в прямоугольнике?

— Комната.

— У неё нет двери.

— Поэтому мы так долго её не замечали.

4:58.

Яна выключила запись, тут же снова включила и проверила индикатор. Красная точка горела. Обе камеры работали. За дверью стояли сотрудники. Коридор перекрыт. Ветров находился в здании больше трёх часов, всё это время под наблюдением. Его одежду сменили на выданную в управлении футболку и спортивные брюки. Он ничего не ел. Воду пил из бутылки, которую Яна сама достала из запечатанной упаковки.

Если кто-то уже нажал на спуск, пуля действительно летела невероятно долго.

— Зачем семь человек признаются в одном убийстве? — спросила она.

— Потому что у каждого есть воспоминание о том, как он меня убивал.

— Воспоминания можно выдумать.

— Разумеется.

— Подделать фотографии. Переписку. Время. Убедить человека, что он сделал то, чего не делал.

— Иногда.

— Вы сделали это с ними?

— С шестерыми.

— А с седьмым?

Ветров посмотрел прямо в объектив камеры.

— Седьмой сделал это со мной.

5:03.

Врач вошёл, проверил датчики, послушал сердце и снова вышел. Ветров не сопротивлялся. Пульс — семьдесят восемь. Ровный.

— Вы боитесь? — спросила Яна.

— Да.

— Не похоже.

— Страх не обязан быть убедительным.

— Вы можете назвать убийцу и прекратить всё это.

— Если назову, вы услышите имя. Мне нужно, чтобы вы увидели способ.

5:06.

Дождь усилился. Даже здесь, в комнате без окон, его было слышно по глухому гулу вентиляции. Ветров положил ладо-

ни на стол. На левой остался бледный след от ремешка часов.

— Знаете, чем признание отличается от правды? — спросил он.

— Признание подписывают.

— Нет. Правде не нужен слушатель.

— А вам?

— Мне нужен свидетель.

5:08.

В коридоре коротко зазвонил телефон. Марков ответил и сразу сбросил: ошиблись номером.

Ветров закрыл глаза.

— Когда всё начнётся, не позволяйте им встретиться.

— Кому?

— Тем, кто признается.

— Почему?

— Потому что один из них вспомнит меня другим.

5:09.

Секундная стрелка настенных часов прошла половину круга.

Яна вдруг заметила, что Ветров смотрит не на неё и не на часы. Он смотрит поверх её плеча — на голую серую стену.

Туда, где никакой камеры быть не должно.

— Что вы видите? — спросила она.

Он прислушался.

— Ничего.

— Тогда на что вы смотрите?

— На того, кто сейчас смотрит на нас.

Секундная стрелка коснулась двенадцати.

5:10.

Ветров выдохнул.

Не вздрогнул, не схватился за горло, не опрокинул стул.

Просто медленно выпустил воздух и посмотрел на Яну с неожиданным облегчением.

— Теперь, — сказал он, — можно начинать.

Зелёная линия на мониторе стала прямой.

Глава 2. Одна минута

Первый звонок поступил через семнадцать секунд после остановки сердца.

Яна потом проверит время до сотой доли. Она будет снова и снова смотреть запись: Ветров произносит последнее слово, врач врывается в комнату, сотрудники оттаскивают стол, электроды дефибриллятора ложатся на грудь. На отметке 05:10:17 в дежурной части начинает звонить телефон.

Марков ответил со второго сигнала.

Женский голос сказал:

— Меня зовут Софья Ларина. Я убила Даниила Ветрова.

Связь оборвалась.

В 5:10:24 на служебную почту пришло письмо без темы.

Я убил Даниила Ветрова. Он умер сегодня в 5:10. Я заметил его лекарство три дня назад. Моё имя — Кирилл Белов. Я жду дома.

В 5:10:31 в стеклянные двери управления постучал моло-

дой мужчина. Он был босиком, а на рукавах белой рубашки темнела кровь. Дежурному у входа он повторил ту же фразу:

— Я убил Даниила Ветрова.

В 5:10:39 экстренная линия приняла вызов с общественного телефона у Центрального вокзала. Звонившая представилась Анной Гросс и призналась, что ночью столкнула Ветрова с крыши.

В 5:10:46 неизвестный загрузил видео на сервер городского управления. Мужчина в медицинской маске держал перед камерой ампулу с прозрачной жидкостью.

— Я убил Даниила Ветрова в клинике на улице Мира, — сказал он. — Если он всё ещё ходит и разговаривает, это не значит, что он жив.

В 5:10:54 адвокат ночной юридической службы получил сообщение от собственной клиентки. Она утверждала, что задушила Ветрова шёлковым шнуром и оставила тело в номере 814 гостиницы «Меридиан».

Шестое признание.

В 5:11:02, когда врач в шестой комнате в третий раз подал разряд, из пакета с личными вещами Ветрова раздался треск.

Старый кнопочный диктофон включился сам.

Сначала в динамике шумело дыхание. Затем заговорил Даниил Ветров:

— Меня зовут Даниил Андреевич Ветров. Я нахожусь в здравом уме и понимаю значение своих слов. Я убил Дани-

ила Ветрова.

Седьмое признание.

Минута закончилась.

* * *

В 5:26 врач прекратил реанимацию.

Ветров лежал на полу между столом и стеной. Лицо оставалось спокойным. На груди краснели круглые следы от электродов. Никаких ран, пены на губах, запаха миндаля или иной любезно предоставленной убийцей подсказки.

Яна стояла в дверях и смотрела, как секундная стрелка продолжает движение по кругу.

Ей хотелось сорвать часы со стены.

— Мы сделали всё, — тихо сказал врач.

— Нет.

— Левина...

— Он назвал точное время. Он знал. Значит, мы что-то пропустили.

— Предварительно — внезапная остановка сердца. Такое бывает.

— В назначенную минуту?

Врач не ответил.

Криминалисты ждали в коридоре. Яна приказала считать шестую комнату местом преступления, опечатать вентиляцию, снять панели со стен и изъять всё — от бутылки воды до винтов в ножках стола. Отдельная группа должна была проверить монитор, дефибриллятор и медицинский набор. Ещё

одна — выяснить, кто имел доступ к комнате за последние трое суток.

— И стену, — сказала она.

Начальник группы посмотрел на серую перегородку.

— Что стену?

— Он смотрел туда перед смертью. Проверьте толщину, проводку, пустоты. Всё.

— Думаешь, за ней кто-то был?

— Думаю, Ветров хотел, чтобы я так подумала.

Марков появился в конце коридора. Обычно бледный после ночной смены, сейчас он выглядел так, будто ночь решила остаться с ним навсегда.

— Тебе нужно это услышать.

— Я уже слышала монитор.

— Диктофон. Он не закончил.

В комнате хранения стоял запах металла и старой бумаги. Пакет с диктофоном лежал под камерой. Никто к нему не прикасался после досмотра. Устройство проверили в 2:29: батарейки внутри не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.